

А.С. Семенова

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПЕСЕННЫЙ
РЕПЕРТУАР И ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ
(по мезенским материалам)**

В статье затрагивается проблема исполнителя песенного фольклора. Объектом исследования является фигура исполнителя песен. Полевые наблюдения над современной деревенской певческой практикой позволяют поставить вопрос о связи индивидуального песенного репертуара того или иного исполнителя с его жизненным опытом. Доступ к сфере персонального опыта приоткрывают интервью и полевые наблюдения. На материале современных записей песен, сделанных в ходе экспедиций на Русский Север, в статье рассматриваются некоторые смысловые отношения, которые могут выстраиваться между песнями и поющими.

Ключевые слова: песенный фольклор, песенный репертуар, исполнитель, персональный опыт, биографический нарратив, Мезень.

Antonina S. Semenova

**INDIVIDUAL SONG REPERTOIRE
AND PERSONAL EXPERIENCE
(on Mezen river recordings)**

The issue of folk singer is a subject of this article. The article focuses on a figure of folk singer. Song recordings, that made in village nowadays, allow to put the question of the relation between a singer's repertoire and his personal experience. An access to personal experience of a singer one can get through interviews and during fieldwork. On contemporary song recordings, that made during expeditions to the Russian North, the article discusses some of the semantic relationships that can arise between songs and singers.

Keywords: folk songs, song repertoire, singer, personal experience, personal experience story, Mezen region.

Песенный фольклор встроен в деревенскую и городскую повседневность. Народные песни в том или ином виде присутствуют в нашем частном и общем пространстве. Их поют за столом, собравшись компанией; выступление фольклорных ансамблей входит в сценарий праздников, организуемых властями; популярные версии народных песен звучат из динамиков на праздничных площадках. Народные песни составляют репертуар фольклорных ансамблей, входят в репертуар академических и любительских хоров, эстрадных исполнителей. Такая широкая «востребованность» песенного фольклора свидетельствует о его значимости. Но что означают русские народные песни и их стилизации для тех, кто их поет или слушает? Почему люди поют народные песни, когда им хорошо, или наоборот — «с горя»? Зачем их поют в компании и в одиноком раздумье?

Песенный фольклор как объект изучения хорошо освоен отечественными фольклористами и музыковедами, однако представляется, что фигуре поющего человека уделяется недостаточно внимания¹. Хотя еще в конце 1980-х годов К.В. Чистов отмечал стремление современных ученых «избежать дегуманизации фольклористики» [Чистов 2005: 144], произошедшие с тех пор изменения в концептуальном, предметном и методологическом поле гуманитаристики мало отразились на исследованиях песенного фольклора. Между тем современный научный контекст² располагает к тому, чтобы исследовать песенные тексты не имманентно, а в отношении людей, которые их поют. Такой ракурс предполагает обращение к контек-

¹ Если отечественные исследователи песенного фольклора обращались к фигуре исполнителя песен, то, как правило, их интересовали выдающиеся певцы. Например, выдающимся исполнителям посвящена серия «Народные певцы и музыканты». Исполнителей песен принято делить на «мастеров» и «рядовых исполнителей» (см., например: [Гусев 1978: 87–88]). В результате такого избирательного интереса последние представляют собой «слепую зону» в исследованиях. Вопрос о смысле фольклорного пения для поющих на русском материале рассматривают О.Р. Николаев, Н.М. Герасимова, С.Б. Адоньева, Н.И. Жуланова, Л. Ослон, Р. ЛаПаша.

² Я имею в виду антропологический, прагматический и перформативный повороты в социально-гуманитарных науках.

сту пения. В ходе полевых исследований¹ мы не только фиксируем песенные тексты и напевы, но наблюдаем мимику, жесты и позы поющих, поем вместе с ними, листаем их рукописные песенники. Мы имеем возможность вступить в диалог с исполнителем² песен — например, задать вопросы по содержанию песни, попросить спеть любимую песню и рассказать, почему она любимая.

В настоящее время в практику фольклорного пения на Мезени в основном вовлечены женщины³. Во многих деревнях существуют любительские фольклорные хоры. Помимо традиционного фольклора в их репертуар входят советские, современные эстрадные песни, песни местных авторов. Репертуар фольклорного хора определяется его руководителем. Песенный репертуар частного и публичного пространства различается⁴: в неформальной обстановке, «для души», поют популярные песни советского времени (например, «Каким ты был», «При долине куст калины» и др.), романсы («Кругом, кругом осиротела», «Там в саду, при долине», «По муромской дорожке», «Златые горы» и др.), современные эстрадные песни («Вот кто-то с горочки спустился», «Ах, судьба моя» и др.), песни местного сочинения («Деревня моя, деревянная, дальняя», «Песня о Мезени» и др.).

Помимо «общего» репертуара, состав которого определяется в ходе практики совместного пения, можно говорить о наличии

¹ Фольклорно-антропологические экспедиции филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета с 2007 г. проходят в Мезенском и Лешуконском районах Архангельской области.

² Я пользуюсь общепринятым термином «исполнитель», хотя называть фольклорное пение «исполнением» мне представляется не вполне уместным. Более точным был бы термин «пользователь», так как песенный фольклор именно «используется» — в том смысле, который придавал этому глаголу де Серто [Серто 2013: 39–41, 48]. Некоторые исследователи наряду с термином «исполнитель» употребляют слово «певец», но обычно речь идет о выдающихся исполнителях, что придает этому слову нежелательные коннотации.

³ Согласно данным Фольклорного архива (далее — ФА) СПбГУ, в ходе семи полевых сезонов (2007–2014 гг.) собиратели записали песни примерно от ста человек. Среди них 90 % — женщины. Большинство из них принадлежат поколению 1930–1950-х годов рождения.

⁴ Об этом см.: [Olson 2004: 184–187].

«индивидуального» репертуара, то есть набора песен, составляющих индивидуальную «песенную компетенцию» человека. Это песни, которые он знает и поет или просто записывает в свой песенник.

Отношение содержания фольклорных песен, входящих в индивидуальный репертуар исполнителя, и его персонального опыта¹ составляет предмет рассмотрения в данной статье.

Представляется, что отбор песен для индивидуального репертуара неслучаен. Обычно желание записать слова и разучить песню возникает, если песня нравится, «цепляет».

Ср.: *Родила женщи́на. Слы́хали? Родила и умерла. Девочка выросла, а муж на войну. Ну вот. И вот он с войны-то пришел, а девочка-то встретила его, а говорит: «Ну, хорошо, жена, живешь. Всё красеешь да молодеешь. Хороша». А она, песня есть, она и: «Не жена, — говорит, — я тебе, а я дочь родна. А жена твоя в сырой... земли лежит». <А что это за песня?> А вот есть, вот это я запомнила тоже. Котора за душу берет, я ту и запомню. Чё, это, меня трогает. А остальные тут забуду. Всю на раз не запомнишь, увидишь дак, заучишь дак. Така память, что, чё сказали, всё запомнишь. <То есть запоминается то, что трогательное?> Да, трогательное. Что вот тебе может коснуться (Ж., 1932 г.р., Лешуконский р-н, 2013 г. ФА СПбГУ, Леш21-322).*

Или: *Нас научила Зина Федоровна, это уже мы в хоре пели, и мне она <Речь идет о песне «Вы послушайте, да подруженьки» («Раздуй, развей, непогодушка»). — А. С.> уж очень понравилась. Я первое время дак пою да плачу, пою да плачу. <...> за душу меня берет*

¹ Под «персональным опытом» я понимаю личный телесный, социальный и психологический опыт (эти аспекты опыта называет И.С. Веселова [Веселова 2014: 33]). Термин «персональный опыт» (personal experience) используют В. Лабов и Дж. Валецки [Labov, Waletzky 1967]; термином “personal experience stories” («случаи из жизни», мемуары) пользуются исследователи устных нарративов [Stahl 1977; Веселова 2011]. Об этом термине также см.: [Веселова 2012: 9; Адоньева 2013: 11]. Наряду с этим термином употребляются близкие по смыслу выражения: «жизненный опыт», «биографический опыт» (например: [Бергер, Лукман 1995]), «индивидуальный опыт», «личный опыт» [Олсон, Адоньева 2016], «социально-психологический опыт» [Хальбвакс 2007: 123], «субъективный опыт социального мира», «субъективный жизненный опыт» [Бурдые 2001: 22].

почему-то дак. <...> Вот напевна, почему-то мне понравилась и все. <...> ...когда тяжело на душе, до слез пробирает. Мелодия такая, а я первый раз ее услышала... <...> Я думаю: «Ох, какая красивая!»... она из Лешуконска эта песня, видимо, пришла, перехватил мезенский хор, а Зина-то из Мезени, в мезенском хоре пела и вот... тоже с нами разучила... мне вот она полюбилась, я и запомнила, нет-нет и напеваю. Сама да одна (Ж., 1932 г.р., Мезенский р-н, 2007 г. ФА СПбГУ, Мез4-48).

Достаточно часто исполнитель усматривает сходство между песенной коллизией и своим персональным опытом и указывает на него. Например, пожилая женщина, спевшая романс «При саду, при долине», в котором фигурирует «мальчик-сирота», судьба которого — умереть на чужбине, поделилась с собирателями своими переживаниями по поводу того, что она вынуждена доживать свой век вдали от родных мест, в доме престарелых (Ж., 1907 г.р., Мезенский р-н, 2007 г. ФА СПбГУ, Мез21-1). Другая женщина, спевшая эту песню, сообщила, что это любимая песня ее отца, который жил и умер на чужой стороне (Ж., 1940 г.р., Мезенский р-н, 2008 г. ФА СПбГУ, Мез21-28).

Однако иногда исполнители выражают недоумение по поводу своего «выбора»: ср. *...не знаю, почто я эту песню <«При саду, при долине»> пою — ни в тюрьме, нигде никого не бывало* (Ж., 1931 г.р., Мезенский р-н, 2007 г. ФА СПбГУ, Мез21-10).

Эта же информантка — о романсе «Зачем я тебя полюбила»: *Моя вот сама любимая песня. Уж не то, что я жила худо ли, изменяла ли что ли*¹.

В случае, когда исполнители не могут объяснить свои песенные предпочтения, представляется, что связь с персональным опытом тем не менее присутствует, но имеет латентный характер. Эта связь может открыться собирателю не во время беседы с исполнителем, а впоследствии, при анализе расшифровки интервью.

Иногда песенные коллизии явно не укладываются в биографический опыт деревенских жителей. Это наблюдение было сделано в ходе изучения репертуара рукописных песенников, принадле-

¹ Героиня романа, будучи не в силах пережить измену, просит положить ее в гроб и отнести на кладбище.

жащих поколению, чья молодость пришлась на 1940–1950-е годы. Репертуар этих песенников в основном составляют советские популярные песни и городские романсы. Одна из главных тем этих песен — любовь, и диапазон представлений о любви у составителей рукописных песенников был явно шире опыта чувств¹. Источниками представлений о том, какой бывает любовь, во многом служили кинематограф, литература и рукописные песенники знакомых. В итоге в рукописных песенниках можно найти целый набор сценариев любви: от вечной и чистой любви в советских песнях (ср.: «Навеки одна любовь нам дана, и дружбой она скреплена») до ее противоположности в романсах.

Несмотря на то что далеко не все записываемые в песенник песни поются, представляется значимым сам факт записывания текста, поскольку он говорит о том, что песенный текст значим, имеет смысл для записывающего. Когда песни явно не имеют параллелей в биографическом опыте, их наличие в индивидуальном репертуаре можно объяснить стремлением к расширению опыта за счет освоения «риторики».

В ситуации, когда выбор песни определяется исполнителем (а не руководителем хора или собирателем), обычно поются любимые песни — те, с которыми связано что-то личное. В этом случае пение песни может быть приравнено к биографическому нарративу², в ходе которого проговаривается «жизненное кредо»³.

Ср.: *Для души. Вообще-то в то время вот ведь для души. И каждый вспоминал свою судьбу в песне. <...> <То есть о своем думал?> Да. Кто-то чего-то думал о своем. Как-то вот у него там не пошло. Как у него всё сложилось. Вот. Вообще старинна песня — она поется с душой. И в ней высказывается душа человека* (Ж., 1935 г.р., Мезенский р-н, 2009 г. ФА СПбГУ, Мез4-95).

¹ Особенно это касается девушек, чья репутация всегда контролировалась деревенским сообществом.

² Сопоставление песни и устного рассказа обосновано речевой природой песни. Вслед за К.В. Чистовым я понимаю песню как одну из форм устной речи [Чистов 2005: 59].

³ Ср.: «Рассказывание вообще, а тем более рассказывание фольклорных историй есть не только сообщение информации, но и манифестация жизненного credo» [Веселова 2011: 26].

Индивидуальный песенный репертуар обеспечивает поющего символическим языком для вербализации его персонального опыта¹, которая во многих случаях имеет психотерапевтический эффект².

Источник

ФА СПбГУ — Электронный фольклорный архив Кабинета фольклора Санкт-Петербургского государственного университета.

Библиография

- Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Амфора, 2004. 309 с.
- Адоньева С.Б. Мужские дневники ушедшей эпохи: «я» и «ты» // Мужской род. Первое лицо. Единственное число: Дневники Д.И. Лукичева и Д.П. Беспалова / Сост., общ. ред., вст. и закл. ст., предисловие С.Б. Адоньевой. СПб.: Пропповский центр, 2013. С. 6–25.
- Адоньева С., Герасимова Н. «Никто меня не пожалеет...»: Баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени // Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 234–258.
- Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
- Бурдые П. Практический смысл / Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Гусев В.Е. О специфике восприятия фольклора (к проблеме синестезии в искусстве) // Творческий процесс и художественное восприятие. Л.: Наука, 1978. С. 79–90.
- Веселова И.С. Нарратология повседневности: от легенды до биографии: учеб.-метод. пособие. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2011. 37 с.
- Веселова И.С. Взыскание оценки (От составителя) // Комплекс Чебурашки, или Общество послушания: сб. статей / Сост., общ. ред. И.С. Веселовой. СПб.: Пропповский центр, 2012. С. 5–10.
- Веселова И.С. Повседневные и символические практики: правила метафорического переноса. Охотники и добыча // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: филологический практикум / Сост. С.Б. Адоньева, С.О. Куприянова. СПб.: Тип. изд-ва СПбГУ, 2014. С. 31–56.

¹ Ср.: «...личные частушечные серии, спевы создают персональную историю, представленную в общих, ратифицированных социумом, формулировках» [Адоньева 2004: 175].

² О психотерапевтическом эффекте пения см., например: [Адоньева, Герасимова 1998: 361–362; Кергеш-Уилкинсон 1995].

Жуланова Н. Личность в традиционной музыкальной культуре: от социокультурных ролей к уникальным индивидуальностям // Личность в культурной традиции: Сб. науч. статей / Сост. и отв. ред. Л.В. Фадеева. М.: ГИИ, 2014. С. 14–40.

Кертеш-Уилкинсон И. Терапевтические аспекты пения венгерских влашских цыган // Голос и ритуал: материалы конф. Май 1995 г. / Редкол.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина. М.: ГИИ, 1995. С. 107–123.

Олсон Л., Адоньева С.Б. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 434 с.

Серто М. де. Изобретение повседневности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2013. 333 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

Labov W., Waletzky J. Narrative Analyses: Oral Versions of Personal Experience // Essays on Verbal and Visual Arts / Ed. Helm J. Seattle; Washington, 1967. P. 12–42.

Olson L. Performing Russia. Folk revival and Russian identity. N.Y.; L., 2004. 286 p.

Stahl S. The Personal Narratives as Folklore // Journal of Folklore Institute. 1977. Vol. 14. P. 9–30.

References

Adon'eva S.B. Pragmatika fol'klora. St.-Petersburg: Amfora, 2004. 309 p.

Adon'eva S.B. Muzhskie dnevniki ushedshei epokhi: "ia" i "ty". Muzhskoi rod. Pervoe litso. Edinstvennoe chislo: Dnevnik D.I. Lukicheva i D.P. Bespalova. Sost., obshch. red., vst. i zakl. st., predislovie S.B. Adon'evoi. St.-Petersburg: Proppovskii tsentr, 2013. Pp. 6–25.

Adon'eva S., Gerasimova N. "Nikto menia ne pozhaleet...": Ballada i romans kak fenomen fol'klornoi kul'tury novogo vremeni. Sovremennaiia ballada i zhestokii romans. Sost. S. Adon'eva, N. Gerasimova. St.-Petersburg: Izdvo Ivana Limbakha, 1996. Pp. 234–258.

Berger P.L., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia. Moscow: Mosk. filos. fond, 1995. 322 p.

Bourdieu P. Prakticheskii smysl. Otv. red. per. i poslesl. N.A. Shmatko. St.-Petersburg: Aleteiia, 2001. 562 p.

Gusev V.E. O spetsifike vospriiatiia fol'klora (k probleme sinestezii v iskusstve). Tvorcheskii protsess i khudozhestvennoe vospriatie. Leningrad: Nauka, 1978. Pp. 79–90.

Veselova I.S. Narratologiya povsednevnosti: ot legendy do biografii: ucheb.-metod. posobie. St.-Peterburg: Filol. fak-t SPbGU, 2011. 37 p.

Veselova I.S. Vzyskanie otsenki (Ot sostavitelia). Kompleks Cheburashki, ili Obschestvo poslushaniia: sb. statei. Ed. I.S. Veselova. St.-Peterburg: Propovskii tsentr, 2012. Pp. 5–10.

Veselova I.S. Povsednevnye i simvolicheskie praktiki: pravila metaforicheskogo perenosa. Okhotniki i dobycha. Kommunikativnye konventsii i sotsial'nye stsenarii: filologicheskii praktikum. Eds.: S.B. Adon'eva, S.O. Kupriianova. St.-Peterburg: Tip. izd-va St.-Peterburg GU, 2014. Pp. 31–56.

Zhulanova N. Lichnost' v traditsionnoi muzykal'noi kul'ture: ot sotsio-kul'turnykh roli k unikal'nym individual'nostiam. Lichnost' v kul'turnoi traditsii: Sb. nauch. statei. Ed. L.V. Fadeeva. Moscow: GII, 2014. Pp. 14–40.

Kertesh-Uilkinson I. Terapevticheskie aspekty peniia vengerskikh vlashskikh tsygan. Golos i ritual: materialy konf. Mai 1995 g. Redkol.: E.A. Dorokhova, N.I. Zhulanova, O.A. Pashina. Moscow: GII, 1995. Pp. 107–123.

Olson L., Adon'eva S.B. Traditsiia, transgressiia, kompromiss: Miry russkoi derevenskoi zhenshchiny. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 434 p.

Certeau M. de. Izobretenie povsednevnosti. St.-Peterburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v S.-Peterburge, 2013. 333 p.

Halbwachs M. Sotsial'nye ramki pamiati. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p.

Chistov K.V. Folklor. Tekst. Traditsiya: sb. st. Moscow: OGI, 2005. 272 p.

Labov W., Waletzky J. Narrative Analyses: Oral Versions of Personal Experience. Essays on Verbal and Visual Arts. Ed. Helm J. Seattle; Washington, 1967. Pp. 12–42.

Olson L. Performing Russia. Folk revival and Russian identity. N.Y.; L., 2004. 286 p.

Stahl S. The Personal Narratives as Folklore . Journal of Folklore Institute. 1977. Vol. 14. Pp. 9–30.